

Т. И. ДЕШЕРИЕВА

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ ЭРГАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ К НОМИНАТИВНОЙ, ГЕНИТИВНОЙ,
ДАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИЯМ

Проблема эргативной конструкции предложения — одна из актуальных и сложных проблем современного теоретического языкознания¹. Многолетняя разработка проблемы выявила принципиальные теоретические разногласия исследователей. О том, насколько существенны эти разногласия, можно судить уже по тому, как определяется эргативная конструкция предложения различными языковедами, поскольку в определение того или иного грамматического понятия естественно включаются наиболее существенные (с точки зрения автора определения) конструктивные признаки этого понятия. И. И. Мещанинов, например, определял эргативную конструкцию как цельную синтаксическую систему, противопоставляемую номинативной; эта конструкция не имеет ни винительного, ни именительного падежей, свойственных номинативной конструкции предложения — в их роли здесь выступает так называемый абсолютный падеж². А. С. Чикобава называет эргативной конструкцией (в иберийско-кавказских языках) трехчленную, безаккузативную конструкцию со специфическим падежом субъекта (эргативным); ядром конструкции является переходный глагол. Однако А. С. Чикобава допускает сосуществование в строе языка эргативной и номинативной конструкций. Таким образом, именительный падеж у него не исключается из парадигмы склонения, и эргативная конструкция предложения не рассматривается как цельная синтаксическая система, противопоставляемая номинативной³.

В принципе совершенно иное определение эргативной конструкции дает О. П. Суник, пытаясь определить ее по аналогии с посессивной конструкцией: «Имя в эргативе дано в формах языка не как „реальный субъект“, не как грамматическое подлежащее, а как некий определитель при именной форме глагола. „Реальный субъект“ — это не дополнение и тем более не „субъект состояния“, а именное сказуемое с подлежащим, выраженным словосочетанием, состоящим из так называемого переходного глагола и

¹ Библиографию проблемы см. в сборниках: «Эргативная конструкция предложения», М., 1950; «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов», Л., 1967 (далее — ЭКПЯРТ). Последний сборник представляет собой материал конференции, которая была организована Научным советом по теории советского языкознания совместно с ЛО Института языкознания АН СССР и в которой приняли участие специалисты по самым различным языкам.

² См.: И. И. Мещанинов, Основные грамматические формы эргативного строя предложения, ЭКПЯРТ, стр. 7—9.

³ См.: А. С. Чикобава, Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках, там же, стр. 10—32.

его определителя, посессивного или обстоятельственного»⁴. М. М. Гухман подчеркивает однотипность эргативной и дативной конструкций⁵.

В. З. Панфилов считает первостепенным признаком эргативной конструкции предложения классное или суффиксальное согласование глагола-сказуемого с подлежащим в эргативном падеже⁶.

Таким образом, до сих пор не существует единой точки зрения в определении эргативной конструкции как языкового явления, а, следовательно — и в выделении характерных для нее структурных особенностей.

Если к сказанному добавить существующие до настоящего времени разногласия по вопросу о залоге переходного глагола эргативной конструкции⁷ и по вопросу о генезисе эргативной конструкции⁸, то нерешенность проблемы рассматриваемой конструкции предложения станет совершенно очевидной.

В этой ситуации мы, разумеется, не претендуем на последнее слово в решении этой сложной и спорной проблемы и считаем возможным изложить здесь лишь нашу концепцию с обоснованием ее основных положений.

1. Эргативная конструкция предложения — это не цельная синтаксическая система, противопоставляемая номинативной. Это лишь одна из разновидностей неноминативных конструкций, которая может существовать в языке наряду с номинативной конструкцией. Как доказательство можно рассматривать то обстоятельство, что эргативная конструкция может возникать и возникает в языках с преобладающей в их строе номинативной конструкцией (ср. эргативную конструкцию в новоиндийских языках и иранских языках)⁹.

2. Эргативная конструкция предложения — это двусоставное предложение с подлежащим в эргативном падеже и сказуемым, выраженным переходным глаголом. При этом состав сказуемого непременно включает прямое дополнение (= прямой объект), выраженное формой винительного или какого-либо другого падежа. Мы считаем ошибочным признание дополнения в эргативной конструкции главным членом предложения, поскольку такое признание фактически ведет к утверждению существования

⁴ См.: О. П. С у н и к, К вопросу о «неноминативном» строе предложения, там же, стр. 54 и сл.

⁵ См.: М. М. Г у х м а н, Конструкции с дательным/винительным лица и проблема эргативного прошлого индоевропейских языков, там же, стр. 72 и сл.

⁶ В. З. П а н ф и л о в, Грамматика и логика, М.—Л., 1963, стр. 61—62, 70—73; е г о ж е, Взаимоотношение языка и мышления, М., 1971, стр. 217, 218 и сл. Аналогичная точка зрения высказывается в «Очерках по синтаксису даргинского языка» З. Г. А б д у л л а е в а (М., 1971).

⁷ Как известно, сторонниками пассивности глагола-сказуемого в эргативной конструкции предложения были П. К. Услар, Ф. Мюллер, Х. Шухардт, Н. Я. Марр, Х. К. Уленбек, И. Вильс. Попытку развить эту точку зрения сделал З. Г. А б д у л л а е в («Эргативная конструкция предложения в горских письменных языках Дагестана», ЭКПЯРТ). Мнения об активности переходного глагола в эргативной конструкции придерживались Н. Финк, Н. Ф. Яковлев, Ю. Д. Деппериев и др. Индифферентность в отношении залогов переходного глагола эргативной конструкции утверждает А. С. Чикобава; эту же точку зрения развивают П. Я. Скорик («Эргативная конструкция предложения в чукотско-камчатских языках», ЭКПЯРТ), А. К. Шагиров («Об эргативной конструкции предложения в адыгейских языках», ЭКПЯРТ).

⁸ Эргативную конструкцию предложения связывали со стадийностью мышления П. К. Услар, И. И. Мещанинов, Н. Я. Марр. Однако большинство современных языковедов склонны считать такую связь сомнительной. Доказательством этому служит сравнительно недавнее возникновение эргативной конструкции в некоторых языках с номинативным строем предложения.

⁹ См. об этом: Т. Я. Е л и з а р е н к о в а, Эргативная конструкция в новоиндийских языках, ЭКПЯРТ; Л. А. П и р е й к о, К вопросу об эргативной конструкции в иранских языках, там же; е е ж е, Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков, М., 1968.

в языке трехсоставных предложений, что не соответствует объективной языковой реальности.

3. С помощью предложенного нами критерия определения в языке самостоятельных, производных падежей (геср.: производных падежных форм) и падежных вариантов (далее этот критерий обозначается К*)¹⁰ можно доказать правомерность выделения в чеченском языке винительного падежа как самостоятельной грамматической категории¹¹. Таким образом, встает вопрос о необходимости пересмотра гипотезы о безаккузативности эргативной конструкции иберийско-кавказских языков, а следовательно, и о безаккузативности эргативной конструкции вообще. Вместе с тем восстанавливается в правах термин «прямой объект» применительно к дополнению в эргативной конструкции.

Неправомерность отрицания прямого объекта в эргативной конструкции можно доказать, и не прибегая к доказательству существования винительного падежа в том или ином языке с эргативным строем предложения. В самом деле, признавая переходный глагол ядром эргативной конструкции и в то же время отрицая в ней существование прямого объекта, мы неизбежно приходим к лингвистическому парадоксу: нет прямого объекта, значит, нет переходного глагола, а следовательно, нет и эргативной конструкции. Ведь определение переходности является общеграмматическим.

Более того, нельзя не учитывать то обстоятельство, что прямой объект передается в некоторых языках не только формой винительного падежа, но и формами других падежей, поэтому даже утверждение безаккузативности эргативной конструкции не эквивалентно утверждению о непременном отсутствии прямого объекта в этой конструкции (а это признается большинством исследователей, отстаивающих тезис о безаккузативности эргативной конструкции). Так, в чеченском языке в переходно-побудительных оборотах объект побуждения обычно имеет форму основного местного падежа; например: *Дикачу бригадиро шен бригаде белхаш кхин а чехка бойту* «Хороший бригадир заставляет свою бригаду работать еще быстрее»¹².

4. Для эргативной конструкции предложения наиболее характерно согласование переходного глагола-сказуемого с прямым дополнением в направлении от дополнения к глаголу. Например, при классно-объектном спряжении грамматический класс глагола определяется классом дополнения.

Однако нередко имеют место и другие типы согласования: согласование глагола-сказуемого с подлежащим в эргативном падеже в направлении от подлежащего к сказуемому (при субъектно-личном спряжении глагола, которое имеет место, например, в удинском языке) или одновременно согласование и с подлежащим, и с дополнением в указанных направлениях (при субъектно-объектном личном спряжении, которое представлено в грузинском и других картвельских, в адыгских языках)¹³.

Наиболее характерное для эргативной конструкции согласование переходного глагола-сказуемого с прямым дополнением объясняется,

¹⁰ Кратко о содержании критерия К* см.: Т. И. Дешериева, Критерий определения в языке самостоятельных падежей, производных падежей и падежных вариантов, ВЯ, 1970, 3. Падеж рассматривается нами как морфолого-синтаксическая категория.

¹¹ Полное доказательство этого положения дается в подготавливаемой нами к печати монографии «Логико-грамматическое исследование структуры семантических полей чеченских и русских падежей (в сравнительно-типологическом плане)».

¹² Н. Ф. Яковлев, Синтаксис чеченского литературного языка, М.—Л., 1940, стр. 86.

¹³ См.: А. С. Чикобава, указ. соч., стр. 13.

по-видимому, не тем обстоятельством, что дополнение будто бы стоит в эргативной конструкции в именительном или так называемом абсолютном падеже, а самой сущностью переходности как грамматического явления, которую так глубоко и верно понимал А. М. Пешковский. Он писал: такие глаголы, как *несу, беру, даю, требую*, не имеют для нас без дополнения никакого реального значения, и в том представлении, которое они создают в нашем сознании вместе с дополнениями, «наибольший вес принадлежит обычно как раз дополнению, а не сказуемому»¹⁴. Связь переходного глагола-сказуемого с дополнением настолько велика, что согласование между этими членами предложения в направлении от дополнения к глаголу нам представляется не менее естественным, чем согласование глагола с подлежащим.

Таким образом, для согласования переходного глагола с прямым дополнением совершенно необязательна его постановка в именительном падеже. Прямое дополнение, по-видимому, всегда стоит в том падеже, который требуется в системе языка переходным глаголом (винительном или каком-либо другом). И это нисколько не мешает согласованию с ним переходного глагола (разумеется, согласование отсутствует в том случае, если сказуемое выражено неклассным глаголом).

5. Эргативная конструкция предложения всегда имеет значение переходного оборота, следовательно, глагол-сказуемое в этой конструкции может иметь лишь такой залог (при наличии залоговой дифференциации глагола в языке), который обычно сопутствует переходности (действительный залог) или сообщает глаголу переходность (например, производно-переходный залог в нахских языках), или не устраняет уже имеющуюся переходность глагола (например, побудительный залог в нахских языках).

Как известно, глаголы страдательного залога, соотносимые с глаголами действительного залога (при наличии соответствующей залоговой дифференциации в языке), являются непереходными; следовательно, они не могут играть роль сказуемых в эргативной конструкции предложения. А если это так, то эргативная конструкция, ядром которой мы считаем переходный глагол, в принципе не может быть пассивной, так как сказуемым пассивной конструкции является глагол страдательного залога или страдательное причастие.

При отсутствии в языке морфологически оформленного страдательного залога, страдательное (непереходное) значение глагола обычно передается номинативной конструкцией, а не эргативной, следовательно, и в этом случае нет оснований говорить о пассивности эргативной конструкции предложения. Например, в чеченском языке страдательное значение глагола передается номинативной конструкцией. В предложении *Латта тракторашица аьна ду* «Земля вспахана тракторами» подлежащее (*латта*) стоит не в эргативном, а в именительном падеже. Сопоставим с этим другое предложение: *Трактораши латта аьна ду* «Тракторы вспахали землю», в этом предложении передается значение переходности, поэтому в нем подлежащее (*трактораши*) стоит в эргативном падеже. Легко видеть, что сказуемое в обоих приведенных предложениях морфологически оформлено совершенно одинаково.

Далее встает вопрос: если эргативная конструкция предложения в принципе не может быть пассивной, правомерно ли говорить об ее индифферентности к категории залога? Утверждая индифферентность, мы тем самым допускаем возможность наличия в эргативной конструкции непереходного глагола и впадаем в противоречие с сущностью определения эргативной конструкции предложения.

¹⁴ См.: А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 2-е изд., М., 1920, стр. 175.

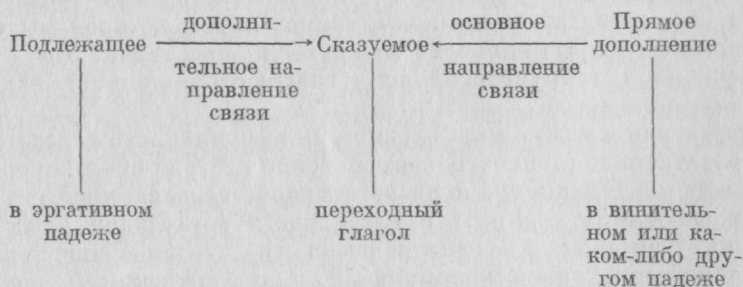
6. Эргативнообразной конструкцией I типа мы называем такую конструкцию, которая отличается от эргативной лишь тем, что подлежащее в ней выражено формой не эргативного, а другого косвенного падежа (творительного, родительного или еще какого-либо), совмещающего в себе функции эргатива с функциями какого-либо из указанных падежей. Такова, например, генитивная конструкция в лакском языке, соответствующая эргативной конструкции других дагестанских языков¹⁵.

7. Эргативнообразной конструкцией II типа мы называем конструкцию, имеющую в себе один или более (но, разумеется, не все) признаков эргативной конструкции и не являющуюся эргативнообразной конструкцией I типа. Такую конструкцию имеет, например, предложение, в котором подлежащее стоит в эргативном падеже при непереходном глаголе-сказуемом (например: *Ас тха Телви вуитIас* «Я сегодня иду/еду в Телави»; *Аиш бахэ МоскIовехь* «Вы живете в Москве»)¹⁶. Очевидно, любая переходная номинативная конструкция является, согласно этому определению, эргативнообразной конструкцией II типа.

8. Языки, в которых переходные обороты передаются главным образом эргативной конструкцией или эргативнообразной конструкцией I типа, называются языками с эргативным строем предложения. Таковы, например, иберийско-кавказские языки, эскимосский язык, некоторые индейские языки Северной Америки.

9. Языки, в которых переходные обороты передаются главным образом номинативной конструкцией предложения, являющейся одной из разновидностей эргативнообразных конструкций II типа, называются языками с номинативным строем предложения. Таковы, например, индоевропейские языки.

Описанные выше структурные особенности эргативной конструкции можно схематически представить таким образом:

Перечислим теперь основные структурные особенности номинативной конструкции предложения для удобства типологического сравнения ее с эргативной конструкцией: 1) подлежащее номинативной конструкции всегда выражено формой именительного падежа, отсюда название конструкции — номинативная; 2) сказуемое может быть выражено как переходным, так и непереходным глаголом; 3) прямое дополнение (в случае переходного глагола-сказуемого) ставится как в винительном (например, в русском и других славянских языках), так и в других косвенных падежах (например, в некоторых языках финно-угорской группы); 4) в предложениях номинативной конструкции главным направлением связи глагола-сказуемого с другими членами предложения является направление от подлежащего к сказуемому (например, в славянских языках). Однако у глагола-сказуемо-

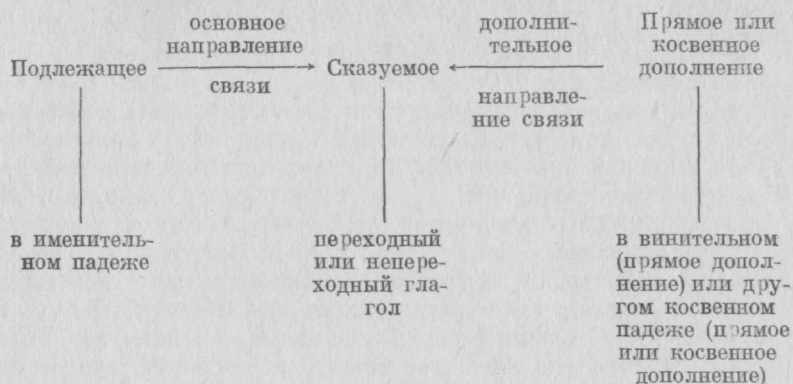
¹⁵ См.: О. П. С у н и к, указ. соч., стр. 54; С. М. Х а й д а к о в, Об эргативном падеже в местоимениях дагестанских языков, ЭКПЯРТ.

¹⁶ Ю. Д. Д е ш е р и е в, Бацбийский язык, М., 1953, стр. 248

го может иметься и другая морфологическая связь с членами предложения — это связь его с дополнением. Обычно эта связь имеет направление от дополнения к глаголу-сказуемому. Такого рода связь наблюдается, например, в некоторых языках финно-угорской группы¹⁷. Здесь же заметим, что это направление связи аналогично направлению связи переходного глагола-сказуемого с дополнением в эргативной конструкции.

Таким образом, сам по себе факт согласования глагола-сказуемого с дополнением не требует, чтобы дополнение обязательно стояло в именительном падеже, и не является условием, достаточным для определения эргативной конструкции, так как подобное согласование может иметь место и в номинативной конструкции.

Схематически структурные особенности номинативной конструкции предложения можно представить таким образом:

Сравнивая схемы номинативной и эргативной конструкций, легко заметить как различия между ними, так и общие черты.

Различаются эти конструкции: 1) падежом подлежащего; 2) широтой семантического поля глагола-сказуемого; очевидно, это поле шире у глагола-сказуемого номинативной конструкции, так как он может иметь и переходное и непереходное значение; 3) основными направлениями связи глагола-сказуемого с другими членами предложения (см. схемы); 4) наличием в эргативной конструкции лишь прямого дополнения, а в номинативной — или прямого (в случае переходного глагола-сказуемого), или косвенного (в случае непереходного или косвенно-переходного глагола-сказуемого); 5) наличие дополнения в составе сказуемого в эргативной конструкции обязательно, а в номинативной конструкции дополнение может отсутствовать.

Общими для рассматриваемых конструкций чертами являются: 1) переходность глагола-сказуемого, обязательная для эргативной конструкции, возможна и в номинативной; 2) в принципе одинаковые возможные направления связи глагола-сказуемого с другими членами предложения. Только для номинативной конструкции наиболее характерным направлением связи является направление от подлежащего к глаголу-сказуемому, а для эргативной — от дополнения к глаголу-сказуемому.

Таким образом, нет оснований, как нам представляется, говорить об эргативной конструкции предложения как об обособленной цельной синтаксической системе, противопоставляемой номинативной конструкции предложения.

¹⁷ См.: Ю. С. Елисеев, Основные типы синтаксических словосочетаний в современном финском языке, М., 1959, стр. 62—71.

Генитивная, дативная и другие конструкции с «субъектом» в косвенном (отличном от эргатива) падеже и с переходным глаголом-сказуемым, являются эргативнообразными конструкциями I типа (в соответствии с нашей терминологией). Такова, например, дативная конструкция в современных грузинском, сванском языках.

Конструкции с аналогичным «субъектом» и непереходным глаголом-сказуемым являются либо эргативнообразными конструкциями II типа (при наличии у них хотя бы одного признака эргативной конструкции, отличного от тех, которые определяют эргативнообразную конструкцию I типа, например, при наличии основного направления согласования от объекта к сказуемому), либо никакого отношения к эргативной конструкции предложения не имеют (при отсутствии в них каких бы то ни было из указанных выше признаков эргативной конструкции предложения). Ср., например, русскую дативную конструкцию *Мне скучно и грустно*, где нет никаких признаков эргативной конструкции.
